

УДК 301

«ЛАГЕРНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ» В НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ: МЕЖДУ СОПРОТИВЛЕНИЕМ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМОМ

© 2012 г.

С.В. Аристов

Московский областной гуманитарный институт, Подольск

asv@icmail.ru

Поступила в редакцию 12.04.2012

Рассматривается проблема «самоуправления» заключенных в нацистских концентрационных лагерях – причины его возникновения, механизмы функционирования, а также значение данного феномена для выживания узников. Особое внимание уделяется оценке лагерного «самоуправления» в работах европейских ученых – историков, социологов, психологов.

Ключевые слова: лагерное «самоуправление», нацизм, концентрационные лагеря, «третий рейх».

Одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем в европейской историографии нацистских концентрационных лагерей в последние годы является проблема так называемого «самоуправления» узников, или, как его еще обозначают исследователи, – «системы лагерных функционеров». Отечественная историческая наука до сих пор остается в стороне от изучения данного вопроса. В этой связи представляется обоснованным обращение к ряду ключевых вопросов, позволяющих раскрыть суть обозначенной проблемы, а именно каковы причины возникновения «самоуправления» в нацистских концентрационных лагерях. Какие категории заключенных в нем преобладали и что представляла собой его структура? Возможна ли была в принципе независимость в жестко структурированной и постоянно контролируемой замкнутой системе? И, наконец, заключенные, являвшиеся частью этого аппарата – лагерные «функционеры», были ли они предателями, шедшими на сотрудничество с нацистами, или людьми, использовавшими свое положение на пользу взаимопомощи и организации Сопротивления?

Система лагерного «самоуправления» впервые появилась в Дахау уже в 1933 г., практически сразу после создания первых лагерей. Заключенные делились на псевдвоенные объединения – «компании заключенных», подчинявшиеся узнику «фельдфебелю». В дальнейшем подобные обозначения были изменены. «Самоуправление» с течением времени стало представлять собой вторую, параллельную эссовской, иерархию и включала ряд должностей, имевших различные функциональные обязанности. Во главе находился староста лагеря, имевший власть управлять лагерными заклю-

ченными, а также предлагать их коменданту лагеря для назначения на различные должности. Е. Когон в своем классическом труде «Государство СС» так охарактеризовал лагерного старосту: «это был ответственный перед СС представитель лагеря, на которого оно могло опереться в своих ежедневных постановлениях» [1, S. 64]. Особое значение должности старосты имели в мужских лагерях. В женских концентрационных лагерях их функциональные обязанности во многом исполнялись старшей надзирательницей [2, S. 488–489].

Помимо старосты, заключенные, наделенные СС властными полномочиями, работали на различных лагерных должностях: лагерные писари, готовившие документы для ежедневных перекличек – аппелей, лагерные курьеры, осуществлявшие связь между различными частями лагеря, передавая информацию и материалы, наконец, так называемые «капо» (от нем. *Kamaradschaftspolizei*, либо от фр. *caroral* или итал. *caro* – «начальник»), руководившие деятельностью различных рабочих бригад узников. Функционеры были заняты также на кухне, в так называемой «бане», на складе с одеждой, в лагерной больнице – ревире (от нем. *Revier* – «санитарная часть»). Внизу лагерной иерархии располагались старосты блока – «блоковые», старшие по части барака – «штубовые» (от нем. *Stube* – «комната») и заключенные, отвечавшие за распределение пищи, – «столовые».

Возникновение системы лагерного «самоуправления» в нацистских концентрационных лагерях было обусловлено рядом причин. Во-первых, нацисты испытывали нехватку персонала для контроля над деятельностью и организацией повседневной жизни заключенных. Ситуация существенно осложнилась после начала

Второй мировой войны, когда резко возросло количество узников, а число эсэсовцев из отряда «мертвая голова», занимавшихся охраной концентрационных лагерей, не увеличилось. Более того, в их рядах стали превалировать люди пожилого возраста, не подходившие для участия в боевых действиях [3, p.100]. При этом, используя узников, нацистское руководство экономило материальные средства на охрану лагерей. Во-вторых, эксплуатируя часть заключенных в организации повседневной жизни, администрация лагерей применяла знаменитый принцип – *Divide et impera!* («Разделяй и властвуй!»). Таким образом, разжигалась непримиримая вражда между лагерными категориями, ослаблявшая, тем самым, возможности их сопротивления. Наконец, в-третьих, тот факт, что нацисты поручали эксплуатацию и даже убийства своим жертвам, способствовал как оправданию лагерного руководства в собственных глазах, если в этом была необходимость, так и в защите от проявлений ненависти со стороны остальной массы узников.

Положение функционеров, их свобода действий в отношении остальных заключенных зависели в первую очередь от решений, принимавшихся эсэсовцами. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер так охарактеризовал лагерных функционеров в одном из своих выступлений перед руководящим составом вермахта: «Мы назначили в концлагерях так называемых капо – ответственных надзирателей, старших заключенных над тридцатью, сорока, сотней других узников. В тот момент, когда этот узник является капо, он больше не спит среди остальных заключенных. Кроме того, он отвечает за достижения в их работе, за отсутствие саботажа, за чистоту в бараке... С того момента, когда мы им больше не удовлетворены, он теряет должность капо и вновь оказывается среди своих сокамерников. И он знает, что в первую же ночь будет убит ими» [1, S. 60].

Тем не менее в сфере организации повседневной лагерной жизни функционеры могли обладать большой самостоятельностью, тем более если их действия не противоречили требованиям лагерной администрации. Их власть порой превращалась во вседозволенность в отношении сокамерников. На время своей службы функционеры могли освободиться от издевательств и наказаний со стороны СС, не занимались тяжелым физическим трудом, имели лучшее питание, униформу, место в бараке. Один из бывших узников отмечал, что «между капо и простым узником была такая же разница, как между генералом и рекрутом» [4, S. 23]. Сфера деятельности «самоуправления» узников, так

называемая «серая зона», по выражению Примо Леви, могла также расширяться под воздействием внешних факторов. Например, в конце войны, в 1944 г. большинство лагерей оказывались переполненными в связи с депортацией в них заключенных с Востока. В подобной ситуации проконтролировать деятельность функционеров СС стало гораздо сложнее, а значит, у них увеличились шансы на оказание помощи остальным узникам. Однако возрастала и возможность никем не контролируемой расправы над неугодными сокамерниками.

Лагерное руководство прекрасно осознавало, что имеющаяся у функционеров-заключенных свобода действий могла привести к организации подпольного Сопротивления. В этой связи во всех концентрационных лагерях была организована сеть шпионов, докладывавших о положении дел. СС также старалось использовать в «самоуправлении» представителей таких категорий, которые были не склонны к протестной деятельности, не имея на то ни идеологических убеждений, ни опыта. К таким группам относились «криминальные» и «асоциальные» заключенные немцы. Жестокость представителей этих категорий отмечалась как в подавляющем большинстве воспоминаний бывших узников, так и в мемуарах представителей СС. Р. Хесс, комендант Аушвица, вспоминал, как уголовники расправлялись с еврейками в Будах – филиале Освенцима: «они душили узниц, разрывали их на части, убивали секирами. Это было страшно» [5, с. 72]. Во время войны к «криминальным» немцам и австрийцам добавляются представители других национальностей, в первую очередь поляки. Давид Руссе, бывший узник Бухенвальда, так характеризовал «криминальных» поляков: «все они упорные консерваторы, отчаянно антирусски настроенные, ненавидящие немцев, но покорные и сервильные перед лицом своих господ, дрожащие за свою власть, а их антисемитизм настолько велик и энергичен, что они доходили до того, что устраивали погромы в лагере» [6, с. 317]. Подобным образом «криминальные» и «асоциальные» боролись за жизнь, реализуя элементарные формы стратегий выживания, основанные на принципе – выживает сильнейший. Кроме того, своей жестокостью они компенсировали годы притеснений, или, как минимум, изоляции, со стороны общества и государства, ассоциировавшихся в их сознании с «политическими» заключенными.

Именно «криминальные» и «асоциальные» узники долгое время превалировали на руководящих постах лагерной иерархии. Так, в Аушвице, еще до начала его функционирования в

1940 г., были направлены 30 «криминальных» заключенных немцев из Заксенхаузена с целью организации управления прибывавшими поляками. Бывшие профессиональные преступники играли ключевую роль в терроризировании «политических» узников-французов Натцвейлера [7, S. 119]. Аналогичным образом ситуация складывалась в Освенциме, Флоссенбурге, Штутгоффе, Бухенвальде, Равенсбрюке, Майданеке, Маутхаузене. Однако подобная практика имела свою цену. Моделям поведения «криминальных» и «асоциальных» узников в лагерях было присуще не только насилие, но и воровство, вымогательство, неорганизованность. Подобные характеристики названных групп, но в первую очередь изменения в ориентации самой лагерной системы, привели к тому, что постепенно, начиная с 1942 года, ведущие позиции среди лагерных функционеров стали занимать «политические». Более образованные и дисциплинированные, с профессиональными навыками, они были необходимы лагерной администрации для эффективной эксплуатации рабочей силы заключенных. В результате в лагерях развернулась борьба за посты функционеров между категориями «криминальных» и «политических», в которой брали верх то одни, то другие. О жестоком противостоянии за места в «самоуправлении» между этими двумя категориями свидетельствовал один из старост блока в Заксенхаузене – «политический» Кристиан Малер: «Мы всегда были вынуждены сражаться на два фронта. Сначала – эсесовцы, потом – определенная категория заключенных: сутенеры, бандиты, убийцы... Чтобы их победить, раздавить и привести в такое состояние, в каком они бы уже не могли нам мешать, нам пришлось употреблять против них их же методы. Мы компрометировали их, мы ставили им ловушки. И в лагерях это превратилось в борьбу тайную и упорную, в скрытую войну, на которой все удары наносились с ненавистью и яростью» [6, с. 319]. Все же иногда представители данных лагерных групп работали вместе, как, например, старосты в Заксенхаузене. Известны также случаи поддержки одной из групп назначения представителей противоположной категории на руководящий пост в лагере. Так, в Равенсбрюке старостой с 1943 г. по май 1944 г. была «криминальная» узница М. Шерингер, сотрудничавшая с «политическими» [8, S. 50]. Однако в женских лагерях подобное противостояние не носило столь ожесточенного характера по сравнению с мужскими [9]. В итоге к 1944 г. в этой борьбе одержали победу «политические».

Деятельность лагерных функционеров, в первую очередь «политических» заключенных, проявлялась, с одной стороны, в повседневной помощи узникам, солидарности с ними и даже попытках организовать Сопротивление. Е. Когон так описывал свой опыт общения с подобными людьми в Бухенвальде: «Часть заключенных – капо с начала и до конца существования лагеря являли собой пример чистоты, человечности и мужества» [7, S. 120]. В Равенсбрюке, узницы, занимавшие должности лагерных функционеров, обеспечивали медицинскую помощь, дополнительное питание, одежду тем женщинам, которые находились в наиболее бедственном положении [10, S. 178].

С другой стороны, существует большое количество свидетельств о садизме, желании выслужиться перед СС, при этом не только «криминальных» представителей лагерной «элиты», но и «политических». Один из заключенных, Бем, коммунист, дубинкой собственного изготовления убивал больных и нетрудоспособных заключенных Заксенхаузена, получая за это дополнительный паек и сигареты, а также ненависть со стороны своих бывших товарищей [6, с. 296]. Подобное насилие основывалось отнюдь не только на извращенных склонностях тех или иных личностей, но и на желании продемонстрировать свое высокое место в социальной иерархии узников. В этой связи абсолютно не случайно, что так называемая «лагерная аристократия» устраивала из издевательств над заключенными подобия зрелища, показывая тем самым свою «избранность» и власть [6, с. 297]. К этому следует, пожалуй, добавить точку зрения культуролога, философа Элиаса Канетти, который подчеркивал, что чем «яростнее человек борется за свою жизнь, тем яснее становится, что он борется против остальных...», а простейшей формой собственного выживания являлось убийство другого [11, с. 39, 279].

Что касается «политических», то в 1990-е гг. в немецкой историографии развернулась дискуссия об их деятельности на должностях капо в Бухенвальде. Работая в лагерной канцелярии и имея доступ к документам, они меняли списки заключенных, отправлявшихся нацистами на тяжелую физическую работу или даже на уничтожение, вычеркивая оттуда «своих» и заменяя их другими узниками. На смерть коммунисты в целом ряде случаев отправляли людей только за то, что они отрицательно относились к коммунистической партии [6, с. 321]. Подобная деятельность, безусловно аморальная, провоцировалась общей ситуацией в концентрационном лагере, когда выживание одних было возможно только за счет гибели других.

Так чем же было лагерное «самоуправление»? Проявлением предательского коллаборационизма в страхе за собственную жизнь, возможностью помочь другим узникам? Или и тем, и другим? Можно выделить два направления в исследованиях, по-разному отвечающих на эти вопросы. Представители первого направления, например Б. Беттельхейм, В. Софски, видели в «самоуправлении» продолжение нацистской лагерной системы, которое было не в силах противостоять аппарату управления даже на минимальном уровне. Социолог Вольфганг Софски считал, что деятельность лагерных функционеров можно рассматривать как порождение «абсолютной власти» – особого рода власти, возникавшего в концентрационных лагерях. По мнению ученого, именно подобная власть создавала систему коллаборационизма, при которой некоторые жертвы становились помощниками преступников. Лагерная система во многом должна была быть благодарна за свою стабильность людям, соглашавшимся с ней сотрудничать и находившим в ней средство спасения [12, S. 28–29].

Психолог, бывший заключенный Бруно Беттельхейм в своей работе «Просвещенное сердце» писал, что внешнее давление СС принуждало заключенных изменять свою личность и поведение, а любые попытки узников сплотиться и противостоять лагерной администрации лишь играли на руку нацистской системе. Большинство «лагерных функционеров» из заключенных перенимали представления и модели поведения СС. В основе подобного поведения лежали несколько причин, и прежде всего отсутствие самостоятельности и самоуважения, а также реализация психологической защиты от собственных страхов, например статья «мусульманином» – узником, находящимся в состоянии предсмертной агонии, уже отторгнутым лагерным сообществом [13].

Представители второго направления отмечали, что в некоторых случаях представителям «самоуправления» удавалось действовать вопреки требованиям лагерной администрации, создавая подпольные объединения взаимопомощи, организуя лагерное Соппротивление. Как отмечал Е. Когон, зачастую было невозможно установить степень принятия узниками системы ценностей СС, ибо формальное подчинение лагерному руководству отнюдь не означало внутреннего согласия с ним [1, S. 388, 393].

Представляется, что оба направления исследований следует рассматривать как дополняющие, а не противоречащие друг другу. Участие в лагерном «самоуправлении» могло быть и проявлением коллаборационизма, и, наоборот,

являть собой пример мужества в подпольной, разноплановой борьбе с нацизмом. В данном контексте важным является тезис Виктора Франкла, бывшего заключенного и всемирно известного психолога. Ученый делал вывод, что личность, которой становился заключенный, в том числе и функционер, – результат его внутреннего решения, а не только итог влияния лагерной среды. Каждый человек выбирал, каким он станет интеллектуально и духовно, сохранит ли он человеческое достоинство. В этом аспекте и проявляла себя, по мнению В. Франкла, «последняя свобода человека» – выбор отношения к обстоятельствам, своего собственного пути, которые невозможно отнять никому извне [14, с. 222–223].

«Самоуправление» заключенных являлось структурой, созданной нацистами для управления лагерями и в большой степени зависевшей от их распоряжений. Изменения в лагерной системе в отдельных лагерях приводили к перестройке лагерной иерархии. Так, изменение целей функционирования концентрационных лагерей и национального состава заключенных привели к вытеснению из лагерной «элиты» «криминальных» и замене их «политическими». Однако при всей внешней зависимости и детерминированности функционирования в повседневной жизнедеятельности этого лагерного механизма возникала некоторая область свободы, наполнение которой – предательством или подвигом – зависело в первую очередь от самих узников.

Список литературы

1. Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1998. 426 s.
2. Leo A. Ravensbrück – Stammlager // Hrsg. Benz W., Distel B. Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Band 4. München: Verlag C.H. Beck oHg, 2006. S. 473–520.
3. Segev T. Soldiers of Evil. The commandants of the Nazi concentration camps. New York: Mc Graw – Hill Book Company, 1987. 240 p.
4. Kaienburg H. «Freundschaft? Kameradschaft?... Wie kann das möglich sein?» Solidarität, Widerstand und die Rolle der «roten Kapos» in Neuengamme // Abgeleitete Macht: Funktionshäftlinge zwischen Widerstand und Kollaboration. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 4. Bremen: Ed. Temmen, 1998. S. 18–50.
5. Аушвиц глазами СС. Освенцим: Государственный музей Аушвиц – Биркенау, 2008. 231 с.
6. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003. 687 с.
7. Pätzold K. Häftlingsgesellschaft // Hrsg. Benz W., Distel B. Der Ort des Terrors Geschichte der nationalsozia-

listischen Konzentrationslager. München: Verlag C.H. Beck oHg, 2006. Band 1. S. 110–125.

8. Neumann A. Funktionshäftlinge im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück // Hrsg. Röhr W., Berlekamp B. Tod oder Überleben? Neue Forschungen zur Geschichte des Konzentrationslager Ravensbrück. Berlin, 2001. S. 25–87.

9. Rousset D. L'univers concentrationnaire. Paris: HACHETTE Littératures, 2008. 190 p.

10. Weinzierl E. Österreichische Frauen in nationalsozialistischen Konzentrationslagern // Dachauer Hefte. 1993. № 3. S. 166–205.

11. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012. 574 с.

12. Sofsky W. Die Ordnung des Terrors: Das Konzentrationslager. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2008. 390 S.

13. Беттельхейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2–6.

14. Франкл В. Доктор и душа. Санкт-Петербург: Ювента, 1997. 286 с.

15. Strebel B. Unterschiede in der Grauzone? Über die Lagerältesten im Frauen- und Männerlager des KZ Ravensbrück // Abgeleitete Macht: Funktionshäftlinge zwischen Widerstand und Kollaboration. Beiträge zur Geschichte der nationalsozialistischen Verfolgung in Norddeutschland. Heft 4. Bremen: Ed. Temmen, 1998. S. 57–68.

«CAMP SELF-GOVERNMENT» IN NAZI CONCENTRATION CAMPS: BETWEEN RESISTANCE AND COLLABORATION

S. V. Aristov

In this paper, we address the problem of «self-government» of prisoners in Nazi concentration camps and consider its causes, mechanisms, and the importance of this phenomenon for the survival of the prisoners. Special attention is given to the evaluation of camp «self-government» in the works of European scholars - historians, sociologists, and psychologists.

Keywords: camp «self-government», Nazism, concentration camps, Third Reich.